

ИНИЦИАТИВА В НАШИХ РУКАХ

Генерал-майор М. ЗАХАРОВ

Вот уже в течение нескольких месяцев войска нашего фронта, взяв инициативу в свои руки, прочно ее удерживают, заставляя немцев перейти к обороне. Было бы ошибочным считать, что немцы пассивно относятся к потере инициативы. Да и самая обстановка не дает противнику бездействовать. Ему приходится следить за каждым нашим шагом, все время реагировать на активные действия наших войск. Помощь осажденным гарнизонам отнимает у немцев немало сил, эта борьба перемолола тысячи немецких солдат и офицеров. Навряд ли в планах германского командования предусматривалось такого рода сражения. Следовательно, большие затраты в людских резервах, в технике происходят ненужно, приходится лишь только потому, что инициатива в наших руках, что эти бои названы немцами нами.

Инициативные действия наших войск держат врага в непрерывном напряжении. Немцы вынуждены выводить свои дивизии в бой по частям, дробят свои силы. Батальоны одного и того же полка оказываются на расстоянии 30—40 км друг от друга, причем они приносятся чужим полкам и дивизиям. Точно так же наша активность заставляла немцев бросать в бой части, совсем не предназначенные для такого использования. В течение всей зимы противник бегал кады танков. Оставшиеся без материальной части, немецкие танкисты собирались отправиться в Германию за новыми машинами. Но наши инициативные действия заставили бросить танкистов в качестве простой пехоты. В этих боях они понесли большие потери. Мы лишены врага немалого количества солдат и офицеров специальных частей.

Теперь уже немцы припадают к действиям наших бойцов, потому что мы задаем тон в любом бою. Сами немские генералы не раз вынуждены были признавать преимущество наших бойцов. В одном из приказов по немецкой пехотной дивизии дается разбор боевого опыта на Восточном фронте. Командир этой дивизии пишет: «Русские открывают огонь преимущественно с коротких дистанций, и их очень трудно обнаружить (отличная маскировка)». В другом немецком приказе говорится о том же: «Русские обороняются весьма ловко и храбро. Они подпускают наступающего противника на близкое расстояние, чтобы затем полутьмой его метким одиночным огнем. В результате мы несем большие потери».

Немцы еще кричат о том, что их солдат является господином ближнего боя, в действительности же все обстоит далеко не так. Инициатива в ближнем бою находится в наших руках. Это подтверждается и действиями наших храбрых истребителей танков, которые, подползая к близкому расстоянию к вражеским машинам, броском бутылки с горючей жидкостью уничтожают их. Это подтверждается сменами вылазок наших бойцов в осажденные немецкие гарнизоны, это, наконец, подтверждается искусством ведения уличных боев, которым владеют наши красноармейцы и командиры.

Вера в свое оружие, чувство превосходства над немецким солдатом, богатый боевой опыт, накопившийся на протяжении десяти месяцев войны, — все это позволяло нам взять в свои руки инициативу в ближнем бою, диктовать свою волю противнику, заставить его применяться к нашей тактике. В одном из немецких приказов мы прочитали о том, что: «Части противника нередко уклоняются в сторону, прикрываясь малыми силами, и наступают крупными или мелкими группами во фланг или в тыл наших частей, что приводит к ослаблению наших разведывательных дозоров». Немецкому генералу приходится признать, что инициативность и изобретательность наших бойцов и командиров нарушают систему ведения разведки в немецкой армии.

Война учит нас использовать все преимущества, которые возникают в процессе боев. Опередить противника, держать его в подавленном состоянии, предвидеть, что он собирается предпринять, беспрерывно гнать его, истребляя его живую силу и технику, — вот в чем заключается инициатива. Враг намеревается ударить нам во фланг, — мы сами ударим ему во фланг, прежде чем он успеет это сделать. Враг закрепился в обороне на наиболее выгодном для себя рубеже, — внезапным ударом мы выбиваем его из этих позиций, ставим в такое положение, которое позволяет нам бить его с наибольшей эффективностью. Спрямиться всегда и всюду поставить противника в наиболее невыгодное положение, — вот что значит быть инициативным в бою.

Неудивительно, что все эти действия вносили замешательство в среду противника. Взятый в плен немецкий лейтенант Герберт Моллер вынужден был сознаться: «Офицеры в последнее время почти не спят, только и разговоры о том, какого подвоя можно ожидать от русских... Где-то раздается выстрел и уже все галдят о том, с какой стороны проросают в эту ночь русские». Командир 2-го армейского корпуса генерал фон Брокдорф даже вынужден был издать приказ, который начинается так: «В опровержение многочисленных слухов о создавшемся в настоящий момент положении требуется дать соответствующее разъяснение каждому солдату в отдельности». В этом приказе Брокдорф признает, что Красная Армия прорвала немецкие линии обороны, но из этого, мол, не следует, что допустима паника. Дальше идет обычная для фашистских генералов ссылка на весну, которая должна поправить все дела.

Немцы все время сужорожно предпринимали контрмеры против наших ударов. Им постоянно известно основных сил и намерений врага, разгадыванием его за-

мыслов, непрерывной разведкой и наблюдением достигается то, что все его контрмеры могут быть сведены к нулю. Происходит очень сложная борьба. В этой борьбе за инициативу враг ничего не жаждет. Он идет на все, лишь бы выбить из наших рук инициативу, хотя бы на отдельных участках. Она ему нужна, как воздух, без нее у него связаны руки, он не может развивать каких бы то ни было плановых операций, не может правильно использовать свои силы.

На одном из участков фронта некоторые время назад наши войска развивали стремительные наступательные операции. Оборонительные позиции немцев были прорваны, и враг откатился назад. Запешившись за ряд выгодных рубежей, он поспешно организовал новую оборонительную линию и решил попытаться счастья здесь, отсюда нанести нам внезапный контрудар.

Контратаки начались с самых различных направлений. К этим контратакам наши командиры и бойцы успели не только привыкнуть, но и научиться использовать их в своих интересах. Но на этот раз немецкие контратаки по своей силе превосходили все предыдущие. Почти каждая из них подтверждалась авиацией, артиллерией и танками. Сначала на поле боя появились пикирующие бомбардировщики, которые массированными налетами пытались предвзято дезорганизовать наши боевые порядки. Затем вступала в бой артиллерия разных калибров. Ее огнем немцы стремились воздействовать как на живую силу, так и на материальные, артиллерийские батареи, в особенности на огневое стояние орудий и минометов. Наконец, из-за укрытия вырвались многочисленные группы танков, сопровождаемые пехотой.

Фашисты не вывели танки компактными массами, но тем не менее танков в этом бою было много. Обычно, почти в одно и то же время с одного направления атаковывали 2—3 машины, с другого — 4—5, с третьего — примерно такое же количество. Немцы рассчитывали, таким образом, создать у наших бойцов впечатление, что танки атакуют везде. Но все оказалось напрасным. Потери немцев в технике и живой силе достигли на этот раз огромных размеров и все-таки враг вынужден был отступить пядь за пядью, не добившись успеха. Видимо, располагая какими-то резервами, противник рассчитывал намотать наши войска частыми контратаками, а потом нанести контрудар в каком-либо одном месте. Почему враг так неистовствовал? Почему немцы, усевая своими трупами все поле боя и не добившись успеха, продолжали лезть на рожон? Они не хотели допустить дальнейшего развития нашей инициативы. Мало того, они наделись перехватить ее, чтобы тем самым восстановить прежнее положение.

Осажденные контратаки являлись только продолжением разрывавшихся событий, и должны были отвечать на вынужденные от замыслаемого фашистами маневра. Однако они и из сей раз жестоко просчитались.

Нашему командованию удалось установить, что враг создает на правом фланге крупную группировку войск. Он стянул туда до полутора пехотных дивизий, около 50 танков, много артиллерии, минометов, авиацию. Все это развернулось в боевой порядок для наступления. Одновременно солидная группировка противника обна-ружила себя и у левого фланга. Там также были замечены пехота, танки и все другие рода оружия.

Стадо асым — враг готовится к более активным действиям на каком-то одном участке из двух. На каком? Обобщение новых разведывательных данных помогло ответить и на этот вопрос. Немцы намеревались нанести основной удар справа, по самому основному нашему клину.

Группировка слева имела вспомогательное назначение. Ее роль состояла в том, чтобы, оттягивая на себя силы, облегчить правой группировке выполнение своей ближайшей задачи и после того, как та обрывает наш клин, активизировать свои действия для совместного удара с целью полного окружения и уничтожения наших войск.

Правильность этого вывода подтвердилась полностью. В ходе последующих боев нами был захвачен приказ немецкой пехотной дивизии, который гласил: «Левая группа ставит себе целью, наступая из юго-восточного участка леса, что севернее деревни Д., занять эту деревню и вместе с пехотной дивизией, сковавшей противника с юго-востока, окружить и уничтожить противника, прорывающегося на юго-запад». Дальнейшее изложение приказа раскрывало полную картину задуманного немцами плана, который почти целиком совпадал с нашими предположениями.

Вывод напрашивался один: активными действиями опередить врага, новым наступлением разорвать его ударную и вспомогательную группировки и тем самым сорвать его замыслы.

Искусным маневром наше командование быстро произвело перегруппировку войск. В нужном месте был сосредоточен мощный кулак для удара по основной фашистской группировке. Против вспомогательной был выставлен прочный заслон. Для отражения вражеских контратак на других участках оставались небольшие силы, которые, прочно закрепившись на местности, фактически перешли к активной обороне.

Мы начали наступать на два часа раньше немцев. Враг был предупрежден во време-

ни, но он все же сумел быстро перестроиться и принять сражение. Произошел ожесточенный встречный бой, длившийся несколько дней и ночей подряд. По фронту и в глубину он распространялся на десятки километров. С обеих сторон в сражение вводились авиация, танки, артиллерия, минометы и крупные массы пехоты. Населенные пункты и рубежи переходили из рук в руки. Атаки сменялись контратаками. Бои на земле и в воздухе происходили почти непрерывно. Ночь сменяла активность авиации, но не ослабила действий наземных войск.

Встречный бой, который характеризуется остротой разрывавшихся событий, требует особенной решительности и инициативности от бойцов, командиров подразделений и частей частей. На этот раз наши войска снова показали свое превосходство над немцами.

Почувствовал такой факт. Был момент, когда до четырех десятков танков противника выжили вдоль дороги в самую гущу наших боевых порядков. За ними двигалось до полутора полков пехоты. Создавалась крайне напряженная обстановка. Нашему кулаку угрожала опасность быть расколотым надвое. Положение выпирало одна наша часть, сама попавшая в тяжелую обстановку. Эта часть оказалась отрезанной от тылов и под давлением превосходящих сил противника отошла в лес. Немцы успешно направили на нее с юга. Часть перешла к кратковременной обороне для того, чтобы притянуть себя в порядок. В это время с противоположной стороны прошли те самые сорос немецких танков и пехоты, которые разорвали наши войска пополам. Командир раздала замысел врага и немедленно повернул свою часть фронтом на север. Оставив небольшое прикрытие с юга, он оторвался от противника и обрушился на фашистскую пехоту с фланга. Удар был настолько силовым, что враг был сметан и обращен в бегство. До полка немецкой пехоты было истреблено огнем и пытками. Танки противника, орудия без прикрытия и встречные пехоты артиллерии, понесли также большие потери и повернули вспять.

Инициативу, которую враг хотел вырвать из наших рук, удалось сохранить, и наступление продолжалось по плану.

Вой диктовал на этом участке несколько дней и закончился крайне своеобразно. Существенных изменений в расположении позиций обеих сторон, с точки зрения территории, не произошло, но ударная немецкая группировка растянулась, как лям, враг снова перешел к обороне. Наши войска, действуя своей волею противнику, продолжали наступательные операции. Так же была обстреляна и замочена неоднократно контратаковавшая и всепогательная фашистская группировка. Несмотря на это, мы продолжали выматывать оборону противника на одних участках и сковавали его на других. Отчаянно сопротивляясь, враг снова перешел к методу обычных своих контратак и, неся потери, медленно отступал.

Позже противник попытался еще раз вырвать инициативу из наших рук. Произошла новая битва за инициативу. И эту битву снова выиграла мы. На примере этих боев можно реально представить себе, на какие жертвы враг готов пойти во имя захвата инициативы. Многие наши командиры твердо усвоили себе все преимущества, которые дает им инициатива в бою. Они завоёвывали ее в кропотливых сражениях. Они знают цену ей, они ни за что не выпустят ее из своих рук. Мы включились в боевые порядки противника, разрушили целостность его фронта, коммуникации, дезорганизовали управление. Наступавшая в наших местах поздня весна почти ничего не изменила в стане врага. Напряженность для его войск не уменьшилась. Как ни старались немцы оживиться, бросая в бой отдельные группы танков, авиацию, предпринимая все новые и новые контратаки, все равно сегодня на полях сражений мы ликуем свою волю врагу. Слова товарища Сталина о том, что «инициатива теперь в наших руках и потому разгромной ржавой машины Гитлера не могут слезать напор Красной армии», еще раз подтверждены всем ходом мартовских и апрельских боев. Немцы уже давно исчерпали преимущества внезапности, а преимуществ, которые получали мы, благодаря сохранению инициативы, продолжали действовать и будут приносить все более и более реальные плоды.

Активные действия наших войск истощали противника и срывали его планы весеннего наступления. Но это не значит, что немцы не будут пытаться использовать малейшую возможность для того, чтобы любой ценой вырвать из наших рук инициативу и самим перейти в наступление. Они подыскивают резервы — людские и материальные, стремясь использовать благоприятные условия весны и лета.

Красная Армия, преодолевая неслыханные трудности зимнего противостояния на западе, должна весной и летом еще сильнее быть фашистов. Инициатива в ее руках, а это первое условие успешных наступательных действий. Надо воспользоваться им в полной мере. Наши бойцы и командиры должны еще упорнее теснить врага, ни на одном участке не позволяя ему захватить инициативу. Лучший способ лишить врага способности наступать — это ошеломлять его непрерывными, все нарастающими ударами и самому продвигаться вперед. Наш долг перед родиной — усилить свой натиск, громить немецко-фашистские войска на всем фронте, приближая день окончательной победы над гитлеровской Германией.

КАЛИНИНСКИЙ ФРОНТ.

КРЫМ. Свяской мотоциклист доставляет донесение. Снимок Л. Яблонского.

Удары по вражеским аэродромам

КАРЕЛЬСКИЙ ФРОНТ, 29 апреля. (По телеграфу). На днях две группы бомбардировщиков под командованием т. Котова и Виноградова одновременно совершили налет на вражеские аэродромы. Действия под прикрытием истребителей, наши бомбардировщики уничтожили на земле семь машин противника.

На обратном пути советские летчики встретили большую группу фашистских самолетов. В завязавшемся бою было сбито шесть вражеских машин: один «ME-109», три «ME-110» и два «Ю-87».

Через день наши летчики повторили налет на один из двух аэродромов. Противник был застигнут врасплох. Комбинированным ударом истребителей и бомбардировщиков было уничтожено на земле 15 вражеских машин.

Минометная батарея в наступлении

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ, 29 апреля. (По телеграфу от наш. корр.). После упорного многодневного боя наши части заняли крупный узел сопротивления противника. Подняв резервы, немцы решили восстановить положение. Они бросили в контратаку свыше батальона пехоты.

Хорошо замаскированная минометная батарея, которой командовал лейтенант Богословский, открыла огонь лишь тогда, когда немцы находились в 250—300 метрах от наших позиций. Минометчики сначала обстреляли пехоту противника и заставили ее залечь. Затем наводчик Брыксин, Игренко, Иванов и Калугин перенесли огонь на артиллерию противника.

Контратака немцев захлебнулась. Оставив на поле боя несколько десятков убитых и шесть побитых орудий, немцы отошли на свои исходные позиции.

Через 40 минут неприятель предпринял вторую контратаку, открыв сильный артиллерийский и минометный огонь по месту расположения минометов лейтенанта Богословского. Но батарея уже успела переменить огневые позиции и снова повела огонь по скоплению пехоты противника. На этот раз огонь минометчиков тоже заставил немцев залечь, после чего наша пехота с криком «ура» бросилась вперед. Она обратила врага в бегство.

Взаимная выручка в бою

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ, 29 апреля. (По телеграфу от наш. корр.). Выполнив боевое задание, наши бомбардировщики взяли курс на свой аэродром. Один из них был поврежден вражеским снарядом. На нем шла тяжело и отстала от строя. Тогда летчик Коротав решил отойти от группы истребителей, сопровождавших бомбардировщик, чтобы охранять поврежденный самолет.

Решение Коротав оказался правильным. Несмотря на то, что самолеты уже находились над нашей территорией, два неприятельских истребителя «ХЕ-113» и «ME-109», заметив подбитую машину, вынырнули из-за облаков и набросились на нее. Коротав немедленно пошел навстречу вражеским самолетам и завязал бой.

Схватка была короткой. Но выдержав стремительный атаку советского истребителя, «Хейнкель» и «Мессершмитт» повернули назад. Коротав снова догнал свой бомбардировщик и привел его на аэродром.

В УПРАВЛЕНИИ ПРОПАГАНДЫ И АГИТАЦИИ ЦК ВКП(б) И В ПОЛИТУПРАВЛЕНИИ КРАСНОЙ АРМИИ

Согласно пожеланий трудящихся, Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б) объявили в текущем году 1 и 2 Мая рабочими днями. В связи с этим Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Политуправление Красной Армии рекомендуют партийным, советским и военным организациям первомайские демонстрации и парады не проводить, дабы не отвлекать трудящихся от работы. На предприятиях, в учреждениях и в учебных заведениях следует провести 1-го Мая митинги под знаком мобилизации трудящихся на дело обороны страны.

КРЫМСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

(От специального корреспондента «Красной звезды»)

Природа нагорного Крыма создала великолепные условия для партизанской войны. Горы здесь лесисты, ущелья узки и извилисты, малоизвестные горные тропы пересекают крымскую Яйлу по множеству направлений, позволяя избежать шоссе и дорог, пролегающих через населенные пункты. Ущельями можно спускаться с гор к морю и подниматься от морского берега в любое горное гнездо.

Партизаны Крыма в полной мере использовали все преимущества своего театра войны, хотя — нужно помнить это — им пришлось действовать в самое тяжелое время: осенью и зимой.

Зима в этом году была особенно сурова, с глубоким снегом. Снабжение партизанских баз, да и сами выходы на операции ретались в чрезвычайно сложных и очень мало выгодных для партизан условиях. И, однако, партизанская война в Крыму приобрела внушительный размах, волеяла в себя все более широкие слои народа. Зверства немецко-румынских оккупантов заставляли целые села уходить в леса и браться за оружие. Крым не склонил головы перед фашистскими палачами. Крым борется. На каждый новый расстрел он отвечает не покорным смирением, а дерзким вызовом.

Попытки немцев провокационно расстрелять народ, населяющий Крым, оказались обреченными на неудачу. Если некоторые количество уголовных элементов из крымских татар и пошло на службу к немцам, зато основная масса татарского населения уже окончательно раскусила авантюризм фашистской политики. Немцы грабят и жгут крымско-татарские, греческие, болгарские деревни, так же как и русские. Они с одинаковым бесновством убивают татарских, греческих, болгарских и русских женщин с малолетними детьми.

Партизанские отряды Крыма в ответ на зверства с каждым днем растут и крепнут. Есть районы, в которых фактически сохранились и действуют все органы советской власти. Есть деревни, где в отсутствие немцев работают даже кооперативы, сумевшие уберечь от немецких разбойников все свое добро.

На горных убежищах партизаны время от времени спускаются к деревням, занимают их, укрепив, превращают в маленькие форты, способные противостоять даже натиску артиллерии. Тактика просиживания в населенные пункты и оборона их силами всего населения чрезвычайно активизирует борьбу с врагом. К такой внезапно возникшей партизанской крепости со всех сторон тянутся люди, выжидающие лишь удобного случая, чтобы вылезть за винтовку. Деревня, превращенная в оборонительный пункт, становится центром всей политической жизни округа.

На-днях из районов нагорного Крыма прибыло несколько партизан. Глядя на них, трудно как-то поверить, что люди эти в течение многих месяцев были «совсемно» оторваны от жизни Советского Союза. Они хорошо осведомлены о положении на фронте. Они в курсе всех политических новостей. Еще бы, у них ведь своя газета «Крымский партизан», свои раши.

Что же они рассказывают о положении в оккупированном Крыму?

— В горы уходят целыми семьями, — говорит один партизан, — забрав с собой котика, скот и остатки продовольствия.

Известен среди крымских партизан один колхозник, который сражается вместе с женой, двумя сыновьями 16 и 14 лет и двумя дочерьми, из которых младшей 12 лет. Четырнадцатилетний сын Степан, талантливый разведчик, награжден орденом Красного Знамени. Самому младшему шестилетнего сына партизан вынужден был из-за холодов оставить в селении у знакомых. Кто-то из предателей сообщил немцам, что в деревню сын партизана. Собрав на площадь жителей села, немцы в присутствии их подвергли ребенка зверским истязаниям. Ему втыкали под ногти гвозди, поджаривали на огне. Мальчуган быстро терял силы. Только по гримасам лица да по судорогам тела можно было догадаться, что он еще жив. Немецкие палачи мучили ребенка — страшно сказать! — в течение пяти дней и повесили его вниз головой, прикрепив к телу надпись: «Повешен за связь с партизанами». После

этого зверского преступления почти все село перебежало к партизанам.

Отряд, в котором был один табиб, «обслуживал», как он говорит, шоссе между Симферополем и Алуштой. «Регулировал движение», — лукаво подмигивает партизан. Эти «регулировщики» несколько раз минировали шоссе и оказали на левое суток совершенно прекратили всякое движение. В результате этого паника, охватившая немцев в Алуште, была так велика, что их гарнизон ночью покинул город и дождался утра в поле.

Боевые действия крымских партизан не исчерпываются минированием дорог и выведением из строя обозов. Партизаны вооружены винтовками, автоматами, пулеметами, гранатами, а также горючими веществами, выжидая на-гора, и за последние месяцы провели 60 боев. Некоторые из них принимали характер длительных сражений. Таким было, например, сражение с горно-стрелковой румынской дивизией. Дело в том, что после разгрома 18-й румынской дивизии на Керченском полуострове и неудач румын под Севастополем, немецкое командование отозвало своих незадачливых союзников с фронта и, сняв их с планового интендантского снабжения, поручило им борьбу с партизанами. «Бейте партизан и забирайте их продовольствие», — гласил приказ.

Горно-стрелковая дивизия была послана для «протесывания» лесов в одном из партизанских районов. Против дивизии партизаны могли собрать 600 человек. Румыны шли по лесу шеренгой в три километра по фронту, человек от человека — в 3—4 метра. Пребывающая была довольно тускло. Умело используя характер местности (горный лес на высотах, пересеченный ущельями), партизаны столкнули два румынских отряда, шедшие навстречу один другому. Партизан, рассказывая об этом, смеется.

— Вы бы поглядели, какая началась «самодеятельность»!

Используя тем временем из-под «стрелки», партизаны открыли по румынам сильный фланговый огонь. Бой продолжался трие суток. Румыны потеряли более 800 человек убитыми.

Затруннения германских войск в Крыму красноречиво отражены в приказе по 46-й пехотной дивизии:

«Или одного невооруженного солдата вно места своего отхода. Все средства передвижения сопровождают достаточным вооружением. Никакого движения, одиночных походов и маршей, ни в коем случае не допускать одиночных постов. В деревне командир должен знать в лицо все мужское население. Не местных жителей арестовывать, для запугивания партизан, вешать их открыто с соответствующей надписью: «Партизан».

Заметим, что эта первоисточник относится к периоду зимы, когда обстановка чаще всего складывалась не в пользу партизан.

— Весна наша, — говорит партизан, — Операясь леса, и я не знаю, как немец жить будет. Уже и сейчас крымские дороги пустынные. Идут только сильные, хорошо вооруженные колонны. Все подходы к населенным пунктам, мосты и узлы дорог охраняются дежно и поно немецкими патрулями. Для этого требуются и сейчас тысячи людей, а летом понадобится много больше.

Лето готовит немцам в Крыму еще один сюрприз — партизан из числа румынских дезертиров. Уже сейчас в одном партизанском отряде действует группа румынских солдат в 25 человек во главе с офицером. Промаявшись в лесах несколько месяцев, они лабали на партизан и выказали готовность примкнуть к ним и сражаться с немцами. После тщательной проверки румыны участвовали в налете на продовольственную базу одной из румынских же частей. Румынский офицер без шума обезоружил часового и открыл партизанам путь к базе. За ночь все продукты с базы были вывезены в горы.

Вскоре за двадцатью пятью румынами пришло еще трое. Командование партизанским отрядом выпустило тогда воззвание к румынским солдатам, пригласив их обратиться оружие против фашистских поработителей их родины.

Так происходит партизанская весна в Крыму.

П. ПАВЛЕНКО.

Колхозники — советские патриоты одного из оккупированных районов на северо-западе привезли из фашистского тыла частям Красной Армии 75 подвод сена. На снимке: представитель Н-ской части тов. С. Малахов беседует с крестьянами, доставившими обесс.

Снимок С. Першина.

Упорство и стойкость советских пехотинцев

БРЯНСКИЙ ФРОНТ, 29 апреля. (По телеграфу от наш. корр.). Бойцы Н части встречают первомайские дни новыми боевыми успехами. Имена отличившихся бойцов широко известны в подразделениях, создателях фотокартин героев.

Все красноармейцы части знают об отважных действиях небольшой группы под командой младшего лейтенанта Алтона Машаева. В течение ночи эта крошечная группа смельчаков отразила две контрата-

ки немецкой роты. Немцы понесли большой урон и вынуждены были отойти.

Старший сержант Иван Ерилов, командующий группой бойцов в 23 человека, отбил нападение дауток немцев на деревню. В этом бою немцы потеряли 80 человек убитыми и ранеными. Бойцы группы Ерилова захватили в качестве трофеев шестнадцать винтовок, пистолет, автомат, пять тысяч патронов, 50 гранат.

Ерилов был трижды ранен, но не вы-

шел из боя, пока немецкая контратака не была отражена. Он лично уничтожил более десяти фашистов. В его группе с особым умением и отвагой сражались красноармейцы Ткач, уничтожавший огнем из винтовки и гранатами 15 немцев, пулеметчик Кривуля, преградивший фашистам подступ к деревне через ложину, и красноармеец Януши.

КАЛИНИНСКИЙ ФРОНТ.

«Сила Красной Армии состоит, прежде всего в том, что она ведет не захватническую, не империалистическую войну, а войну отечественную, освободительную, справедливую» (Сталин).

ГВАРДЕЙСКОЕ ОРУЖИЕ

Недавно на дороге от перевалочного пункта к передовым позициям я догнал одного бойца. Он шел торопливо, не оглядываясь, на плече у него висел автомат. Боец как-то неудобно размахивал правой рукой, а левая была завернута в полу шинели.

— Откуда, спрашиваю, ищешь, товарищ боец?

— Командир эскадрона послал в часть за бинтами.

Попали рядом. Боец стал отставать. Я обернулся и только сейчас узнал, что передо мною Савушкин — автоматчик из 3-го эскадрона.

— Да ведь это Савушкин? — спрашиваю.

— Он самый, товарищ комиссар. Я думаю, что вы не узнаете.

Я заметил, что Савушкин покраснел.

— Значит, бинты несешь? А что, Савушкин, разве у командира не было никого под рукой, что послало тебя. Или у вас затишь, боя нет?

— Какое затишь, товарищ комиссар. Яра, что дыхнут времени нет.

— А ты за бинтами уходишь.

Савушкин тяжело вздохнул. У него догадался, зачем он ходил в часть, но решил помолчать. Молчал и автоматчик. Потом он подошел ко мне.

— Тут за одно два дела сделал, товарищ комиссар: бинты, это, взял, да попутно руку перевязать пришлось, задело немного. Вот, видите?

— А куда же теперь, с одной рукой?

— Воевать-то, видно, несколько дней не придется, товарищ комиссар. В госпиталях отравляют, дней десять, говорит. Ну, думаю, если воевать пока нельзя, тогда хоть автомат отдам. Человек на примете есть.

В эскадроне Савушкин разыскал бойца Ахметова. Тот лежал в окопчике на пригорке.

Я пошел вместе с Савушкиным.

— Керим, — сказал Савушкин, — или сюда.

Ахметов спустился вниз, козырнул.

— Я тебе, Керим, автомат свой передаю. Описание собирать нельзя, свидетелем комиссар будет.

Керим вынул из кармана.

— Потерял, — говорит Савушкин, — за мной. Я, Ахметов Керим, гвардеец полка Морозова, принимаю от раненого гвардейца Савушкина Тимофея автомат, взятый им из рук убитого командира отделения гвардейца героя Парамонова Петра. Парамонов Петр убит этим автоматом 114 немцев. Савушкин Тимофей убит на 121 немца. Керим, я не выпускаю автомата из рук до полной победы над врагом. Если же меня ранят, я отдам его, с согласия командира, в верные руки, сумевшие поддержать честь нашего гвардейского оружия.

У Савушкина на глазах навернулись слезы. Прощаясь с Ахметовым, Савушкин поцеловал автомат.

— Будьте, товарищ комиссар, свидетелем, что гвардеец Савушкин сдал свое боевое оружие, а гвардеец Ахметов принял его.

Савушкин ушел в госпиталь. Я вспоминаю, что Савушкин сам месяц назад был таким же новичком в нашем гвардейском полку, как и Ахметов. В отном из боев ему вручили оружие командира отделения Парамонова, чуть ли не самого героического нашего автоматчика. И вот сейчас Савушкин ушел в госпиталь, его автомат и лопатка перешли к Ахметову.

В нашем полку стала традицией передача почетного гвардейского

оружья. Все старые бойцы, все командиры, временно выбывавшие из строя, по разрешению старшего начальника сами назначали преемников своего оружия, и те передавали им перед товарищами дают клятву применять его достойно. Оружие героев вручается в присутствии командира или комиссара.

Родилась эта традиция в те дни, когда нам было присвоено звание гвардейцев. Зачинателем ее был сержант Засушкин, чей автомат до сих пор не имеет себе равных. С ним сейчас воевал лейтенант Толстов, награжденный за подвиги орденом Ленина.

Гвардейцы Красной Армии — почетное, великое звание. Это звание дается только тому, кто завоевал его своей кровью, своими подвигами в борьбе с гитлеровскими захватчиками.

Но война есть война. В боях выбывают из строя люди, на их место становятся новые товарищи. Люди меняются, но гвардейское звание остается. И вот перед нами, командирами и политработниками, встает задача воспитания в новом пополнении гвардейского духа. Гвардейца должны воспитывать сразу и свои и враги. Если гвардейская часть стоит на фронте, немцы узнают ее по ее страшным ударам.

На днях нами взят в плен фашистский офицер лейтенант Пауль Гехт. Он сдался вместе с пятью солдатами и на допросе заявил:

— Командир дивизии в специальном приказе объявил, что на нас наступают русские гвардейцы, и поэтому потребовал особой стойкости, особого упорства.

Гвардеец в нас стремителен, подвижен, упрям, дерзок и бесстрашен к врагу.

Воспитанием гвардейских качеств занимаются у нас не только командиры и политработники. Это делают также и сами бойцы и младший состав, — такие, как Савушкин, Ахметов и многие другие.

Ахметов пришел к нам из пехоты после госпиталя, где лежал с легким ранением. Керим не новичок на фронте, но гвардейца он поразила. Он заметил, что у нас многие бойцы потянуты, прилизаны к своему внешнему виду, стараются олицетвориться с гвардейцами.

— Из пехоты? — строго спросил в первый раз Савушкин.

— Из пехоты.

Савушкин, доносчик казак, прищипнул губы.

— Ну, ничего, сделаем кавалериста-рубачу.

Автоматчик Савушкин во всех боях был вместе со стрелком Ахметовым.

И Ахметова вскоре нельзя было отличить от Савушкина. На нем лихо сидит шапка, туго потянут ремни. Савушкина ранило, Ахметову вручили его автомат.

Недавно к нам прибыл 30 человек пополнения. Чутье мои их их обучали в непосредственной близости от передовых позиций, и потом пригласили всех во 2-й эскадрон, в котором карабин раненого старшины Строганова вручили сержанту Пикетову.

Новые товарищи увидели всю перемену в передаче, и они еще больше прониклись уважением к традициям гвардейцев.

Любовь к оружию — это любовь к своей части, к товарищам, к родной земле, к нашему оружию своей армии.

Батальонный комиссар С. КОРОВИН, воинком Н гвардейского полка.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ.

НОВЫЕ КНИГИ

В «Библиотеке красноармейца», выпускаемой Военным издательством Наркомата Обороны, вышли в свет новые книги. Среди них — брошюра Е. И. Ярославского «Что несет фа-

шизм крестьянству», И. Минца — «Красная Армия зародилась в борьбе с германскими захватчиками», сборник очерков «Потребители танков».

ТВЕРДЫНЯ ЧЕРНОМОРЬЯ

Шесть месяцев обороны Севастополя

Наряду с обороной Ленинграда видное место в истории отечественной войны занимает оборона Севастополя. Защита этого знаменитого прибрежного города есть не только пример глубоко научной операции фронтового и армейского командования, но также свидетельство величайшей доблести и мужества наших войск.

Ударную группу неприятельских войск, осаждавшую Севастополь, составляли кадровые немецкие пехотные дивизии: 22-я, 24-я, 36-я, 50-я, 72-я, 170-я. Обычная полковая артиллерия противника усилена осадными парком тяжелых мортир и гаубиц на самоходных и железнодорожных установках. Немцы применяют тяжелые танки прорыва, бронированные штурмовые орудия, огнемётные батареи. Их военно-воздушные силы представляют собой последние образцы немецких самолетов. Враг сконцентрировал на полуострове в главной базе Черноморского флота весьма крупный кулак. Однако вот уже полгода Севастополь твердо противостоит бешеному вражескому натиску и день ото дня наносит фашистам тяжелые потери.

Первую попытку наступления на Севастополь немцы предприняли в ноябре прошлого года. Она обошлась им в 10 тысяч убитых и закончилась безуспешно. Спустя месяц немцы начали второе наступление, так называемый «генеральный штурм Севастополя», и опять жестоко проигрывают. У стен города полегло 35 тысяч фашистских солдат и офицеров.

Высокая устойчивость морской крепости Крыма объясняется умением бойцов и командиров всех родов войск находить эффективные способы борьбы с вражеской техникой, а также и тем, что действия обороняющихся войск всегда активны, независимо от обстановки, в которой им приходится сражаться.

Как организована оборона Севастополя? Она строится на тесном сочетании сухопутной обороны с береговой, на тесном взаимодействии наземных войск с морской, береговой и корабельной артиллерией, с авиацией Черноморского флота. В своих

боевых действиях наши части опираются на существовавшие раньше и возникшие в ходе войны различные инженерные сооружения. Сумма усилий всех родов войск и делает оборону города непреступной.

Попытаемся кратко осветить особенности и характерные моменты действий Севастопольского гарнизона.

Пехота. В первое время на наших бойцов, обороняющих Севастополь, оказывали некоторые моральные впечатления воздушные атаки противника, проводившиеся эскадрильями при участии большого количества самолетов. Но поскольку потери от налетов были крайне незначительны, вскоре для всех стало ясно, что бомбежка с воздуха нельзя повлиять на расстановку боевой порядков войск. Бойцы научились хладнокровно отражать налеты фашистской авиации. Мне пришлось наблюдать атаку 10 немецких пикирующих бомбардировщиков на одну артиллерийскую батарею. Глядя на взрывы ползущих бомб, можно было подумать, что батарея разбомблена. Но едва только вражеские самолеты ушли, клубы дыма и пыли рассеялись, — батарея, потеряв всего три человека убитыми и ранеными, вновь открыла сильный огонь по врагу.

С течением времени наши войска приспособились к налетам немецкой авиации. Пользуясь оригинальными приемами маскировки, они укрывались в землю все вплоть до машин и лошадей. Вместе с зенитной артиллерией стала вести активную борьбу с вражескими самолетами пехота.

Столь же быстро применялась пехота к минуетному огню противника, овладев искусством подавления вражеских минометов своими ответными средствами.

Большинство усилий потребовалась борьба с механизированными частями врага, особенно когда немцы применяли тяжелые танки и бронированные штурмовые орудия. Огневая противотанковая пушка иногда была мало эффективна. Артиллерия более крупных калибров не всегда могла вести огонь из-

за порывов связи или отсутствия наблюдений. Тогда-то в полной мере и сказались отвага защитников Севастополя. Подразделения, возглавляемые тов. Кудрявцевым, разогнавшие всего двумя полковыми орудиями, в течение долгого дня сдерживали яростный натиск врага и отбили на одном из важнейших направлений три танковых атаки.

Стрелковые части Севастополя отличаются неутомимостью, умением в любых условиях изматывать и обескровливать врага. Пока под городом шли бои в открытом поле, наша пехота стойко отражала атаки немцев и сама неоднократно переходила в контратаки, нанося противнику тяжелый урон. Когда наступил период позиционной борьбы, пехота стала проявлять дерзкие вылазки в тыл врага.

За последнее время, следуя примеру доблестных ленинградцев, сухопутные части Севастополя широко развернули движение снайперов-стрелков. Только за конец марта и начало апреля снайперы уничтожили 1.217 фашистов.

Артиллерия. Она составляет главную ударную силу, которая обеспечивает устойчивость обороны Севастополя, поражает людские и технические резервы противника. В артиллерию сухопутного сектора обороны входят орудия разнообразных типов и калибров. Важно отметить, что обычно полевые батареи усилены дальноточными батареями береговой обороны, а в особо острые моменты с успехом применяются орудия корабельной артиллерии.

Наличие в полевых войсках и в береговой артиллерии дальноточных систем позволяет успешно маневрировать огнем, не меняя позиций, а пользуясь лишь заранее оборудованными дополнительными наблюдательными пунктами.

Авиация. Как и в начальный период обороны, так и теперь, авиация Черноморского флота действует в тесном боевом союзе с наземными войсками. Летчики-гвардейцы, возглавляемые полковником Юмашевым, штурмовики под командованием Героя Советского Союза майора Гурьяна доблестно то, что небо над Севастополем в большинстве случаев полностью закрыто для фашистской авиации. Немецкие самолеты осторожно и редко появляются над городом, да и то на высотах не ниже 5.000 метров. Нами сбиты не-

только бомбят немцев в их ближнем и глубоком тылу, на дорогах, железнодорожных путях, аэродромах.

Воздушная оборона Севастополя, хорошо действующая и до осады города, оснащенная новыми средствами борьбы, пополненная опытыми кадрами. Усилены истребительная авиация, организованное воздушное патрулирование над ближайшими военными объектами. Большинство вражеских самолетов обычно рассеивается и обращается в бегство еще на дальних подступах к городу. Лишь одиночные немецкие бомбардировщики прорываются иногда к самому Севастополю. Но здесь вступают в бой основные средства противовоздушной обороны и, как правило, фашистские пилоты несут тяжелые потери. Зенитчики за 6 месяцев сбили 50 вражеских самолетов.

Инженерные войска. Огромную работу проделали за полгода севастопольские саперы. Действуя преимущественно ночью, под пулеметным и минометным огнем врага, саперы уложили перед передним краем обороны множество противотанковых и противотанковых мин, фугасов. Они построили и оборудовали в полосу обороны значительное число дотов и дзотов, проложили не один десяток новых дорог, открыли большое количество окопов и ходов сообщений.

Саперы оказывают серьезную помощь пехоте в ее наступательных боях, обезвреживают немецкие минные поля, пробираются в колониях проволоке.

За шесть месяцев, которые длился оборона Севастополя, враг понес огромный урон в живой силе и технике.

Героям и доблестным защитникам Севастополя по достоинству оценены партией и правительством. Свыше 3.000 бойцов и командиров, отличившихся в боях с немецкими оккупантами, награждены орденами и медалями Союза ССР.

Оборона Севастополя надежна. Защитники города понимают, каково его значение. Бойцы и командиры Севастопольского гарнизона готовы и дальше мужественно оборонять свой родной город. Они готовы по приказу товарища Сталина перейти в решительное наступление на врага.

Генерал-майор И. ПЕТРОВ.

НАШИ СЕДЫЕ МАТЕРИ

Я опускался в погреб по неровным длинным ступеням, размытым весенней водой и обломанным грубыми каблучками.

Погреб — здесь единственные убежища от дождя и холода. Жители огороженного села, оставшиеся в живых после ухода немцев, устранились в них надолго, переносили сюда свой убогий скарб, свое разоренное имущество. Погребов было много. Набиваясь в них лотками, наши бойцы выносили тепло и уют в красные глиняные стены, пахнущие песенно и прорастающим картофелем.

Я сразу направился именно к этому погребу благодаря какому-то неосознанному влечению. Мне показалось, что отсюда доносилась его уютная мелодия глухой, далекой песни. Я прислушался: пели тихую трогательную песню.

Я открыл дверь, и мне в лицо дохнуло «картковое» тепло, смешанное с мажорным лязгом. Здесь было очень много людей, и хотя я искал места, где мог бы хоть на часок прилечь, в этот темный приток я вошел без колебаний.

При моем появлении песня оборвалась. Бойцы попытались встать, но я попросил не беспокоиться. Когда прошла эта минута неловкости, вызванная появлением нового человека, в дальнейшем углу снова зашумели.

Нели два бойца, им подыгрывала старенький гармошке третий. Остальные сидели, кто на корточках, а кто прямо на соломе, расстеленной на земле.

Я край родной. Не видел много дней. Но и отсюда. С западной границы. Он мне еще был ближе и милей. О нем мне часто шептались птицы. И видел я родимые места. И сад родной. Что ярким претом вышпнт.

Там за окопом блещет квадрат листа. И мать сидит. И что-то пишет...

Мелодия была грустная и напоминала о многом. Песня рассказывала о сыне, который мечтает о встрече с матерью. Грусть заключалась не в самой мелодии, а в невозможности ее воодолеть. Другая, большая мать звала сейчас сына — этой матерью была родная, осиротевшая и поруганная, которую должен защитить сын и зов которой был восток и неотвратим.

Мы слушали песню и почти физически ощущали чувства, рожденные ею. В углу на красной потертой кровати сидела старая женщина и, казалось, плакала. Для нее этот погреб был домом с тех пор, как немцы сожгли дом, во чем была для нее эта песня и она ли ропотала до слез старое, ослабшее женское сердце?

Песня окончилась, и под сводами неутоленного ужаса снова возманилась забытая мелодия. Бойцы собрались с мыслями. Сейчас это было нелегко, молчанье затянулось.

— А кто эту песню сложила? — спросил я.

Все посмотрели на меня, — ответ последовал не сразу. Наконец, из дальнего угла раздался голос только что певшего бойца.

— Я сложил. Это меня не удивило. Человек, умеющий так глубоко возманивать своим сердечным пением, мог, конечно, по-настоящему глубоко чувствовать.

— А матери своей вы послали песню? — Матери? Да ведь она читать-то не умеет. Вот войну окончим, тогда я ей спою.

И он начал рассказывать о своей матери. Это был обычный рассказ о женщине, воспитавшей своих сыновей и не требовавшей за это никакой награды. Все смеялись, когда он рассказывал о том, как, прожывая на фронте, она перебралась к нему и даже пыталась надеть на шею крестик.

— В бою она не вернет, — сказал он, — сама не раз признавалась. А вот если такой момент случится, обязательно перекрестит. «Ведь не веришь, — спрашиваю, — было, — зачем же крестик?» «Да так, на всякий случай, — отвечает она, — а выгуд бою есть на небо, пушкой заступилась».

Все смеялись, добродушно подтрунивали над безобидной материнской хитростью, и только сосед мой, высокий черноволосый старшина, молчал и сосредоточенно смотрел в одну точку. О чем думал он? Отвечала ли его хозяйская забота о своих бойцах, или мысли его были сейчас далеко на родине, по которой гулял пьяный немец?

— А мать-то старушка какова! — воскликнул маленький красноармеец с добродушной, задорной улыбкой. — Я давеча письмо получил от нее...

И он, развернув треугольный самодельный конверт, стал читать перочинные большие буквы: «И... пишет, — на заводе теперь работаю, снаряды для фронта пишу. Вчерась ходила в соседний мех смотреть: было интересно было мне знать, какую машинку в эти снаряды кладут, что они такую адекватную силу имеют. Видеть-то я ничего не увидела, потому начальник пеха объяснил, что секрет это великий и моему бабскому языку доверен быть не может. Но утешил он меня, радый, что сила страшная и фашисту жизни не даст».

— Ишь, ведь, какая любопытная! — с восхищением воскликнул кто-то. Маленький добродушный красноармеец продолжал читать:

«Володька, в один лишь уложил снаряд специально для тебя, на нем мелом написано «Степану Гарбузу», так ты смотри этот снаряд от моего имени в немца вывали. Пусть, гадина, узнает, кто мы с тобой такие и какая сила у нас в руках. Гляди, Володька, только не пропусти снаряд моего».

Письмо вызвало у всех неуправляемый взрыв смеха. На этот раз улыбнулся и мой сосед, угрюмый черноволосый старшина. Но его улыбка оказалась какой-то вынужденной, сдержанной.

— Счастливые вы люди, — тяжело вздохнул он и снова на мгновение умолк. — Есть у вас о чем вспомнить. И матери вашей о вас думать могут, а вот у меня несчастья, братцы. — И он вытащил из кармана помпный газетный лист. — Вот, что мать-то моя, — сказал он дрожащим голосом и отвернулся.

Внимание всех невольно привлекла к себе страшная фотография: на ней были изображены тела замученных жителей одного села. На переднем плане головой к зрителю лежала старая женщина. Страшные мучки отразились на ее добром лице.

— Она, как есть она! — в ужасе воскликнул рыжеволосый красноармеец — односельчанин и сверстник старшины. — А может и не она, может только личность похожа, — возразил другой, но немевший никаких аргументов, но очень хотевший утешить хоть чем-нибудь своего товарища.

Старшина молчал, его ничто не могло утешить. Видно, не первый день носил он в кармане этот печальный лист, не первый день таил в душе свое великое горе. И вдруг от старой кровати встала женщина — хозяйка этой сырой ямы. Переступив через протянутые ноги сидевших на земле бойцов, она подошла к старшине.

— Сыну, — сказала она тихо и нежно, — твою мать счастливую. У нее сын живой, ты за нее отомстишь. А мой сын... — иповенное она поцеловала, затем вынула спрятанную на груди бумагу и протянула ее старшине. — Вот мой сын, — сказала она каменным голосом.

Старшина приподнялся; он стоял растерянный и почти бессиленный перед лицом этого большого горя. Он осторожно развернул бумагу. В ней извещалось о том, что боец Иван Четвериков, награжденный орденом Красной Звезды за доблесть, проявленную в боях с немецкими оккупантами, погиб смертью храбрых в бою у Дюна 18 апреля 1942 года.

— Кто же за меня отомстит, дед мой, я-то ведь слаба, сын у меня нету. Несколько человек разомкнуло скатные усты, чтобы утешить ее, но торжественность этой минуты нарушила вопиющий лейтенант.

— Вышли по одному, — тихо сказал, он и вышел первым.

Все заступались заступались. Завянувший чай-то котелок, зашуршавшая солома, сжатая под тяжестью порывов ветра шинель. Дверь скрипнула на ржавых петлях, тяжело качнувшись пламя тусклой лампы, осватило жестким языком воздух холодной весенней ночи.

Бойцы знали, что сейчас начнется наступление, но волнение, вызванное предчувствием боя, не подавило волнения, рожденного зрелищем и словами зноушей к отпущенной матери. Даже теперь в ушах каждого звучали ее плачущие слова: «Кто ж за меня отомстит?» И немолчающим эхом откликалось в сердцах: «Мы отомстим, мы!» И руки еще сильнее сжимали винтовки, твердые, как это решение, сильные, как эта воля.

Саша ГОЛОВАНОВИЧ.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ.

Предмайской ночью

(От нашего корреспондента по Северо-Западному фронту)

Весенняя ночь. Узкая, едва заметная тропинка вывела по лесу. Небольшая группа людей кидет по этой тропинке. Ноги скользят, улавливая в талом снегу, проваливаются в яму. Темно. Люди шагают гуськом, в затылок, чтобы не потерять друг друга в этом огромном, густом лесу.

Путь не близок. Отряд, куда направляется эта маленькая группа, находится в отрыве от главных сил соединения. Он выполняет специальное задание: углубившись на несколько десятков километров в расположение противника, контролирует там ряд важных коммуникаций. Это продолжается уже два месяца.

Связь с отрядом затруднена. Буквально все — боеприпасы, вооружение, продовольствие — посылается сюда пешком и только почтой. Но сейчас в отряд идут не почтальоны, а дивизионная партизанная конница и несколько сопровождающих ее автоматчиков. Уже много часов батальонный комиссар Макалов, старший политуток Борисов и политуток Трофимов находятся в пути — устали, вымокли.

Путь промокший останавливается и говорит: — Здесь.

Лес померкнет таух, ничто не обнаруживает присутствия в нем людей. Но вот из-за куста внезапно появляется неясная фигура с автоматом наготову.

— Кто идет? Проступ?

Через полчаса партизанские уже в близи

даже, в шестистах метрах от расположения противника. Идет заселение. Один за другим приходят перед ней бойцы с автоматами, выходящими полперекрестку, с гранатами, прикрепленными к поясу.

Вот у стола комиссар старшина роты Архип Михайлович Костин. Зачитываются его биография, анкетные данные.

Костина смеялся раненый вчера, с забитой головой командир роты Степанов, потом идет минометчик Путига, метким огнем обративший в бегство большую отряд фашистов. Наконец, доходит очередь до заместителя политуток комсомолец Попова. В это время в близи забегает связной и обращается к Попову:

— Товарищ заместитель политуток, на нашем участке немцы.

Все поспешно выходят из блиндажа. Туда озирается короткими выстрелами выстрелов. Бой продолжается всю ночь и заканчивается успешным отражением вражеской контратаки. Под утро в знакомом нам блиндаже снова собирается за столом партизанский.

За трое суток работы в отряд партизанской конницы пришла в члены и кандидаты партии свыше ста бойцов и командиров. В ночь на четвертые сутки члены конницы отправляются в обратный путь по талой весенней земле, по лесным глухим тропинкам.

Б. АБРАМОВ.

Съезд американских славян

ДЕТРОИТ, 29 апреля. (ТАСС). Съезд американских славян вылился в демонстрацию единства американцев — выходцев из славянских стран Европы и их решимость оказать полную поддержку военным усилиям объединенных стран.

Согласно дополнительным данным, на съезде присутствовало свыше 2.500 делегатов — представителей русских, украинцев, чешских, словацких, сербских, хорватских, словенских, болгарских, македонских и других организаций США.

На заключительном заседании съезда была оглашена приветственная телеграмма Рузвельта. В этой телеграмме Рузвельт заявлял, что Америка гордится своими славянскими гражданами, выходцами из России, Польши, Чехии и Югославии. Рузвельт приветствует съезд американских славян и выражает уверенность в том, что победа объединенных стран будет победой всех народов.

Съезд получил также многочисленные приветствия от различных славянских организаций, от председателя Конгресса производителей профсоюзов Мэррея, председателя Американской федерации труда Грина и руководителя Управления по делам военного производства США Ньюсона.

На заключительном заседании был заслушан доклад сенатора Новака (от штата Мичиган) от имени комиссии по расследованию деятельности «пятых колоний» среди американских славян. Новак отметил, что среди американских славян имеются лица и небольшие группы, стремящиеся к расколу национального единства американского народа. Деятельность этих групп направлена против интересов объединенных стран. Новак призвал съезд осудить раскольников и сторонников «умиротворения» фашистского агрессора.

Съезд принял обращение к славянам Европы.

Братья, славяне Европы, говорю в обращении, съезд американских славян приветствует вас. Совместно мы ведем великую борьбу за свободу. Наш съезд представляет 15 млн. американских славян — сыновей и дочерей русских, украинцев, чехов, хорватов, поляков, карпатоукраинцев, македонцев, сербов, словаков, словен, черногорцев, болгар. Мы с безграничным восхищением следим за нашей борьбой против фашистских орд Гитлера. Мы гордимся успехами доблестной Красной Армии Советского Союза, югославских партизан, польских и чехословацких летчиков. Ваш непереломный дух воодушевляет народы всего мира на борьбу против варварских фашистских орд.

Ваши американские братья по крови полны решимости увеличить производство оружия для того, чтобы обеспечить победу объединенных стран над гитлеровскими

полчищами в 1942 году. Многие из наших сынов уже находятся на поле битвы в борьбе против общего врага — врага всех свободных народов. Миллионы американских славян готовы с оружием в руках принять участие в борьбе за освобождение человечества.

Славяне оккупированных гитлеровцами территорий!

Будьте мужественны в великой борьбе! Саботируйте гитлеровские мероприятия! Вырубайте военные посевы, снижайте производительность на промышленных предприятиях, прерывайте линии вражеских коммуникаций!

Объединяйте наши усилия, мы тем самым ускорим поражение фашистских варваров. Мы будем продолжать нашу борьбу до полной победы над гитлеризмом!

Съезд принял специальную резолюцию, в которой высказывается за открытие второго фронта в Европе.

Съезд принял также резолюцию, в которой осуждал деятельность отдельных лиц и групп, имеющих своей целью внести раскол в среду американских славян и ослабить их доверие к объединенным странам. Резолюция призывает правительство США принять самые решительные меры против деятельности «пятых колоний» и всех сторонников политич. «умиротворения» фашистского агрессора.

Съезд создал постоянный национальный комитет для проведения в жизнь своих решений. Председателем комитета избран Брайский (заместитель председателя профсоюза рабочих швейников, входящего в Конгресс производителей профсоюзов). Первым заместителем председателя избран профессор Пирхал (председатель Чехословацкого национального совета в Америке), членами комитета избраны: председатель Американского всеславянского комитета Блар Г. Гунтер, Земан и Вук. Вице-председателями комитета избраны также представители от каждой славянской национальной группы США. Кроме того, в состав комитета вошли представители всех славянских национальных групп и два представителя молодежи.

Съезд одобрил создание женской славянской организации.

Съезд объявил 21 июня «национальным славянским воскресеньем» для проведения массовых митингов с целью популяризации обращения всеславянского съезда.

Съезд закончился массовым митингом, в котором приняло участие 10.000 человек. На митинге выступил директор Управления по мобилизации трудовых резервов Макнэт. Макнэт призвал американских славян мобилизовать все усилия для увеличения производства вооружения, нужного объединенным странам.

Борьба болгарских патриотов против немецко-фашистской саранчи

СТАМБУЛ, 27 апреля. (ТАСС). Гитлеровская грабительская, хозяйничающая в Болгарии, получила у болгарского народа кличку «саранча». Немецко-фашистская саранча, продолжая свою грабительскую и опустошительную деятельность, встречает все более решительное сопротивление болгарских патриотов. Болгарские патриоты пускают под откос поезда, уводящие в Германию продукцию тяжелого труда болгарских крестьян, они жгут склады с сырьем и продовольствием, предназначенным для отправки в Германию, они выводят из строя станки, жгут предприятия, работающие на немцев.

Иностранная печать сообщала, что 8 марта в станции Своге было организовано столкновение двух товарных поездов, в результате чего разбито 5 вагонов. 18 марта от столкновения двух поездов в станции Харманли было разбито 3 вагона. 19 марта столкнулись товарные поезда на станции Поликарпа. 29 марта близ станции Орехово патриоты подорвали склад и устроили завал на железнодорожной линии. Сообщения на этом участке были прерваны на несколько дней. В начале марта в селе Мездра была положена фаб-

рика Николчева, на которой вырабатывались полуфабрикаты для поставок немецкой армии.

По сообщению газеты «Зора», 18 марта произошел большой пожар на нефтяных складах железнодорожной станции Велес, сгорела вся резервуарная с нефтью и несколько пистер с бензином. Установлено, что пожар явился результатом поджога. 28 марта в Пловдиве сгорел большой склад табака, предназначенного для отправки в Германию.

Некоторые школьные здания в Болгарии используются сейчас под склады для немцев, собираемых для отправки в германскую армию. Газета «Зора» сообщила, что 7 апреля произошел пожар в одном из таких зданий в селе Широко Троянское района. Все медикаменты погибли.

Рассчит акты саботажа в болгарской армии. Приезжающие из Болгарии лица рассказывают, что такие акты особенно часты в авиации. Случай поломки и порчи моторов стали обычным явлением. В первых числах апреля болгарскими патриотами были выведены из строя два бомбардировщика на одном из аэродромов в районе Пловдива.

НОТА тов. В. М. МОЛОТОВА В ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

НЬЮ-ЙОРК, 29 апреля. (ТАСС). Нота Народного комиссара Иностранных дел тов. В. М. Молотова «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления» произвела в США огромное впечатление. Вся печать — столичная и провинциальная — поместила на видном месте изложение текста ноты. Газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала сообщение о ноте под заголовком: «Новый список гитлеровских зверств». Газета «Нью-Йорк геральд трибун» поместила сообщение о ноте под крупным заголовком: «Жестокости немцев являются результатом приказов Гитлера».

Крупнейшие радиоканалы США также передали подробное содержание ноты тов. В. М. Молотова по радио.

ЛОНДОН, 29 апреля. (ТАСС). Английские радио и печать широко публикуют ноту Народного комиссара Иностранных дел тов. В. М. Молотова о злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах. Лондонские радио передали подробное содержание ноты на английском, французском, немецком, венгерском, чешском, польском и других языках. Комментируя ноту тов. В. М. Молотова, английские радио особенно подчеркивают ответственность гитлеровского правительства за беспримыслие злодеяний, совершаемых захватчиками в оккупированных советских районах. Эти злодеяния, заявляет лондонский радиокорреспондент, являются случайными и единичными; они производятся по специальному приказу и по заранее предусмотренному плану.

СОВЕТСКАЯ ПОМОЩЬ ИРАНУ В БОРЬБЕ С САРАНЧОЙ

ТЕГЕРАН, 28 апреля. (ТАСС). Ввиду появления в ряде районов Ирана больших стад саранчи, привезенной из Аравии, иранское правительство обратилось к СССР с просьбой помочь Ирану в борьбе с вредителями сельского хозяйства. Советское правительство направило в Тегеран специальную экспедицию по борьбе с саранчой. Эта

экспедиция, в состав которой входит 25 человек, уже прибыла в Тегеран. Для опыления зараженных участков прибыло 7 самолетов. Основные работы экспедиции будут производиться в Хузистане и Фарсе, где посевы заражены наиболее сильно. Надлежит экспедиции приступить к работе.

ОБСТРЕЛ ГЕРМАНСКОГО САМОЛЕТА НАД ШВЕДИЕЙ

СТОКГОЛЬМ, 29 апреля. (ТАСС). Как сообщает газета «Нюа даглит аллеханна», 27 апреля вблизи Елве шведской зе-

мля артиллерийский обстрел немецкий самолет, который летел незаконным курсом.

ПОСАДКА АНГЛИЙСКОГО БОМБАРДИРОВЩИКА В ШВЕЦИИ

ЛОНДОН, 29 апреля. (ТАСС). Агентство Рейтер передает из Стокгольма, что утром 27 апреля над Южной Швецией появился английский бомбардировщик. Шведские зенитные батареи дали несколько предупре-

дительных залпов. Вследствие порчи мотора самолет совершил посадку севернее Лаппеа. Самолет разбился. Экипаж вывели и интервировали шведскими властями.

ОБЕР-СУМАСШЕДШИЙ

По требованию Гитлера рейхстаг предоставил ему «чрезвычайные полномочия» и провозгласил его «фюрером», «главнокомандующим» и «верховным судьей».

Рис. Бор. Ефимова.

Приступ «весеннего бешенства»

Выступление Криппса

ЛОНДОН, 29 апреля. (ТАСС). Английское министерство информации передает, что вчера Стаффорд Криппс выступил в палате общин с сообщением об итогах его поездки в Индию. Криппс заявил, что, хотя надежды на успешное завершение миссии, которые разделяли правительство, не оправдались, не следует сожалеть о том, что предложения были выдвинуты: это может привести лишь к благоприятным последствиям.

Криппс указал, что миссия проходила в трудных условиях. Японские вооруженные силы подступают к Индии. При таких обстоятельствах многие вопросы, которые можно было с пользой обсудить и решить в более мирное время, не подлежали обсуждению, так как возникала настоятельная необходимость сделать все, чтобы выступить на защиту Индии от иностранного захватчика.

Второй трудностью, сказал Криппс, является то, что в связи с событиями на Дальневосточном театре войны, сопровождаемыми жесткой пропагандой держав осей, в некоторых кругах индийского общественного мнения появились порочащие антианглийские настроения.

Третья трудность, по мнению Криппса, заключается в том, что наиболее крупные мусульманские политические организации выдвинули программу раздела Индии на два государства.

Далее Криппс указал, что по основным вопросам — о самоуправлении и разработке будущей конституции, не было крупных разногласий. Разногласия возникли по вопросу о том, как должно быть осуществлено самоуправление, и по вопросу о временной организации индийского правительства до того, как конституция войдет в силу.

Отметив помощь, оказанную ему вице-королем Индии и главнокомандующим Уэйвеллом, а также представителем Рузвельта — полковником Джонсоном, Криппс остановился на сути разногласий, обнаружившихся во время переговоров. Во-первых, указал он, речь шла о методе определения новой конституции. Руководители Конгресса опасались формулировки «эволюционная». Однако была достигнута договоренность о том, что эта формулировка совершенно ясно устанавливает право Индии фактически покинуть Британскую империю в случае, если индийское правительство, созданное на основе новой конституции, примет такое решение. Возникла также проблема провинций, которые могут отказаться войти в союз после того,

как новая конституция будет принята конституционной ассамблеей. Криппс просил членов палаты изучить резолюции Конгресса и Мусульманской лиги, указывая, что в результате этого изучения станет яснее, что «проект декларации английского кабинета был максимально справедливым компромиссом между двумя крайними точками зрения».

Разногласия возникли также в связи с позицией индийских князей. Криппс указал, что в большинстве из них представительная система недостаточно развита, и поэтому требование Конгресса о том, чтобы представители в орган, разрабатывающий конституцию, были избраны также населением княжеств, не может быть удовлетворено.

Однако из одного из этих трех разногласий с исполкомом Конгресса не могло быть сделано решение. Наиболее существенными были проблема обороны и вопрос об индийском правительстве. Суть внесенного окончательного предложения сводилась к тому, чтобы присвоить главнокомандующему в качестве военного министра полномочия совета вице-короля все административные функции в правительстве Индии, имеющие решающее значение для эффективного проведения войны и предоставить индийским представителям другие функции министра обороны наряду с многими другими важными задачами. Представители Конгресса отклонили это предложение.

Окончательный разрыв, указал далее Криппс, произошел не по этому поводу. Разрыв произошел при обсуждении вопроса о форме правления, которая должна быть установлена до окончания войны. Требование всей полноты власти, выдвинутое Конгрессом, — заявил Криппс, — создаст бы невозможное положение. Ни одно из меньшинств, особенно мусульмане, не согласилось бы на это.

В заключение Криппс сказал: «В настоящее время мы не можем ничего больше сделать. Теперь мы должны сконцентрировать свое внимание на том, чтобы выполнить свой долг в деле защиты Индии до конца. При выполнении этой задачи наш великий американский союзник идет нам навстречу, предлагая свою помощь. Многие из индийских руководителей будут возмущаться индийский народ в его обороне, и я надеюсь, что путем сотрудничества в этой обороне мы сможем приблизиться к разрешению стоящих перед нами проблем».

Позиция Индийского Национального Конгресса

ЛОНДОН, 28 апреля. (ТАСС). Сегодня представителями Индийского Национального Конгресса в Лондоне передана журналистам телеграмма Керу.

Решение Индийского Национального Конгресса, говорится в телеграмме, по предложению Криппса изложено в прощенной резолюции в письмах председателя Конгресса к Криппсу. В резолюции, принятой 2 апреля, лидеры Конгресса выразили свое недовольство английским предложением, в котором Индия обещает статус доминионов в будущем. Конгресс подтвердил требование о предоставлении независимости Индии и осудил пункт в предложении, предусматривающий возможное разделение Индии.

«Мы резко осудили», — говорится в телеграмме, — английские предложения в той части, в которой указывается, что правители индийских туземных княжеств (князья) могут назначать представителей княжеств в учредительное собрание и таким образом игнорировать права всего населения княжества, ибо такое вмешательство князей в конституционную жизнь делает невозможным создание национальной свободы. Объединенные нации должны признать независимость Индии. В то же время мы убеждаем народ к тому, чтобы он оказал сопротивление агрессору и не в коем случае ему не подчинялся».

ВОЙНА НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

СООБЩЕНИЯ ОБЪЕДИНЕННОГО КОМАНДОВАНИЯ СОЮЗНИКОВ

МЕЛЬБУРН, 29 апреля. (ТАСС). В коммюнике объединенного командования союзников в юго-западной части Тихого океана сообщается, что авиация союзников 28 апреля, несмотря на сильный огонь зенитной артиллерии, успешно атаковала японский аэродром в Лие, на северном побережье острова Гуаиньян.

АНГЛИЙСКИЕ СООБЩЕНИЯ

ЛОНДОН, 29 апреля. (ТАСС). Как передает агентство Рейтер, положение на

фронтах в Бирме за последние несколько дней стало серьезным. Японские войска, совершая обход китайских позиций с левого фланга, наступают в направлении на Лашио. Английские и китайские войска в общем занимают позиции на линии Бья-укадаунг (в долине реки Иравади)—Мей-тила—Таюнг.

ЯПОНСКИЕ СООБЩЕНИЯ

ТОКИО, 29 апреля. (ТАСС). Как передает агентство Долей Пуши, 29 апреля на острове Мидана японские войска высадились в районе города Котабато и заняли его.

ГЛАЗА

РАССКАЗ

На высоте в пять тысяч метров под куполом парашюта расстилался горный пейзаж. Дымился комбинезон Макарова, горели унты, шлем. Ветер раздувал пламя. Загорелся полевой ремень, начала чернеть парашютная лямка на левом плече. Макаров сбивал руками пламя, приминал ладонями острейшие языки, а вражеский истребитель кружился над ним, расстреливая из пулемета. Пули пересекли несколько строп.

Горевший летчик понял, что спасти его может только быстрое снижение. Он хватился руками за боковые стропы парашюта, накренился и стремительно пошел книзу. Но земля ничего радостного не сулила Макарову — по дорогам выгнали немцы автомашины и танки.

В стороне тянулась густой ярко желтый лес, и Макаров с радостью увидел, что ветер гонит его парашют на вершину деревьев. Немешкий истребитель выпустил последнюю очередь и улетел. Макаров падал, как пылающий факел.

Осенний лес, казалось, был облит красноватым желтым огнем, пылав в лучах заходящего солнца. Макаров погрузился в это пламя осенней дымки и ощутил благодатную прохладу. Парашют его зацепился за вершину березы, стоявшей на опушке, прыгнул ее, и Макаров рухнул на землю.

Азали уже бежали немецкие солдаты, стреляя на бегу в белое пятно парашюта. Макаров освободился от парашюта и побежал, зная, что теперь люди опаснее пламени. Он бросился в лес, дымился, как голова.

Ветни хлестали его по ягоди, он раздвигал их обожженными руками, прыгал через пни и канавы, углубляясь в чащу. Теперь он был невидим. Он остановился, тяжело дыша.

Собрал с себя шлем, унты, дымящийся комбинезон и побежал дальше. Стало легче. Иногда он останавливался, при-

слушивался. Выстрелы раздавались далеко, глухо.

«Спасся», — облегченно подумал Макаров и присел на землю, поел. Тихий лесной шум успокоительно подступал к нему. Он вынул, широко открыл рот. Губы его ступали корка жгала, сомкнув их он не мог без боли. Эта боль чувствовалась в руках, в правом глазу, в нозе, ушибленной при падении с дерева. Потом Макаров ощутил холод, охвативший его разгоряченное тело, — оно остывало быстро, безболезненно.

Темнело, мир сужался. Макаров видел лишь то, что было вблизи от него, — парашют уже был почт. Он притянул руку к правому глазу и нащупал опухоль. Глаз закрылся совсем.

Что-то холодное прикоснулось к воспаленному глазу. Макаров протянул руку, — на ладони опуталась сачка.

Первый снег! Как разозлится ему Макаров в летчике! Он вытаскивал с чердака сачки, лез в нетерпеливом возбуждении пытался кататься по пыльному легкому покрову... И было хорошо в полутьмоте, оно пахнуло нафталином. Ах, если бы сейчас на плечи накинуть этот полушубок!

Макаров дрожал все сильнее. Он понял, что сидеть нельзя, нужно гнаться, чтобы не замерзнуть. Он встал. Но куда идти? Он потерял ориентировку, кружа по лесу. Он не знал, в какой стороне могло быть селение. Его окружали деревья, с легким шорохом роющие свой летний узор. Между стволами деревьев пробивался лунный свет. Луна была где-то справа, и Макаров пошел ей навстречу, сам не зная, куда может привести его лунный свет.

Он шел, как привидение, в пламени бешеной, изысканной, а снег падал все гуще и гуще, и листья под ногами шумели жестко, громко, как металлические.

Он шел так долго, движение согрело его. Но сильней чувствовалась боль в нозе. Потом он заметил, что лунный свет мер-

нет. Это было странно, потому что он видел яркий диск луны, стоявший над лесом. Он ускорил шаг, по выруг устал, наткнувшись на пену. Поглядев, он не увидел серебряной лунной дорожки между деревьями, по которой шел до этого. Опираясь на плечи, он не нашел луны, — небо было таким же черным, как стоявшая рядом ель. Он опустил глаза вниз, — и снег под ногами был черным! Тогда он понял, что в четвертый его глаз закрылся.

Он стоял слепой, окруженный мраком. Тихо шумел лес, где-то поскрипывало дерево. Макаров долго вслушивался в этот шум, стараясь уловить какой-нибудь звук человеческой жизни, — нет, ничего, кроме ровного равномерного шороха деревьев, он не услышал. И тогда он остро ощутил свою беспомощность.

«Самое страшное — потерять зрение», — подумал он, протягивая вперед руку. Он пролез в холодную черную пустоту. И он пошел вот так наугад, выткнув руки. Он наткнулся на дерево, ощутивший его и снова делал неуверенный шаг. Он двигался медленно, и лес казался бесконечным.

«Вот такая же, верно, вечность», — подумал он и вспомнил юности споры в философском кружке. Тогда вечность казалась Макарову непостижимым понятием, потому что все то, с чем он соприкасался к жизни, было ограничено во времени, укладывалось в календарь. Макаров любил все осязаемое, видимое. Теперь от этого привычного мира остались лишь звуки леса и холодная кора деревьев, к которым прикасался его рука. И это прикосновение к гладким стволам берез, к шершавым елям, к чешуйчатой коре сосны подталкивало в нем жалкую жизнь и вело его вперед и вперед.

«Хорошо еще, что я могу идти», — подбадривал он себя когда к нему подступало отчаяние: хуже зрению, который не может идти.

Он понимал, что двигается, как всякий слепой, безотчетно, что в любую минуту он может очутиться перед врагами. Тогда смерть!

Он остановился, снова прислушался. Ветер накатывался лишь короткими, слабыми волнами, а потом и совсем утих.

Вокруг была тишина, какой Макаров никогда не слышал. И когда он снова тронулся в слепой путь, листья снова загремели, как жость.

«Итти, итти», — вслушал он себя, ощущая деревья. Ноги его залезали от холода и потеряли чувствительность. Ощущалась пощережная боль в бедрах, в руках, когда они наткнулись на колючую хвою или сучья, на лице, по которому хлестали упругие по-осеннему и твердые, как проволока, прутья.

Макаров рассчитывал, что лес кончится, а в поле должна быть деревня. Там — лют, свои, советские. Они помогут... «Пало итти, итти», — убеждал он себя. Так он шел, но упорно продолжал пагать, прикасаясь руками к деревьям. И вдруг он не нащупал вокруг себя толстых деревьев, — большой лес окончился. Он вошел в кусты и понял, что это — опушка.

Макаров не мог определить, сколько времени прошло с того момента, как он ослеп, но ему казалось, что ночь на исходе. Вернее, ему хотелось, чтобы это так было.

Он присел на землю, погладил себя по плечу, чтобы согреть их. И то, что он видел из леса, как и рассчитывал, придало ему уверенность, что и дальше дело будет складываться в его пользу. В самом деле, он мог не успеть выбраться из горящего самолета, но выбросился, и парашют раскрылся. Он мог погибнуть от пуль немецкого истребителя, но он не залезал его. Он мог сгореть в воздухе, но погасил пламя... За этот лес, он мог легко раз умереть, но он жив. И пока сильнее смерти.

Вот он сидит на мерзлой земле, раздетый, босой, обожженный слепой, с руками, покрытыми волнистыми пузырями. Губы его покраснели кровотоковой коркой, — он не может идти, потому что в бешеной востерной баше, но он ползет...

Макаров полз, опираясь на руки, по мосям им одной ногой, а другая волочилась, вызывая боль при каждом толчке вперед. Он быстро устал, и вытянувшись во весь рост, приняв к земле. Казалось,

была израсходована последняя капля энергии...

Пикто не увидит его одинокой смерти. Он замерзнет в этих кустах, может быть в ста шагах от жилья, как замерз его лад Онуфрия, заблудившийся в степи, — Онуфрия нашли утром возле своего дома, на огороде... И Макаров вспоминал слова, какие говорил лад Онуфрия: «И осталось у меня всего две сажени до дому...»

«А может быть и мне остались последние сажени?», — подумал Макаров и приподнялся. Отдохнув, он снова пошел, выходя ногой, — он распух и казался неизмеримо тяжелой.

И вдруг Макаров услышал крик петуха. Он остановился и повернул голову в ту сторону, откуда донесся этот крик. Петух кричал еще три раза. Голос у него был хриплый, простуженный, но более радостных звуков, чем этот утренний крик петуха, не было для Макарова.

Он быстро пошел, но на пути стояла высокая деревянная изгородь. С большими усилиями Макаров перевалился через нее, — пол ладонями была пашня.

Дальше он нащупал сны конюшни, а еще дальше стояла немалая конюшня. Знакомый терпкий запах конюшника вошел в его тело как живительный напиток. Макаров забрался в сны. Он решил, что утром женщины придут выбирать конюшню и выйдут его.

Он продолжал в снопах немого. Холод пронизывал его, застыли руки и ноги. Он понял, что не выдержит до утра, и снова пошел.

Вот гол какой-то постройки. Из пелен пахл соном. Знакомые запахи домашней тихой жизни обступили его и повели. Он нашел по этим запахам двор. Услышал малый стук овечьих копыт. Руки его прикоснулись к толстым бревнам избы. Он привстал, обшарил стену и нащел окно...

Волнение его было столь велико, что он не мог даже постучать в окно и с минуты стоял, тупо глядя обожженным ртом. Он постучал в стекло тихонечко, как стучат волги и девушки, возвращаясь на заре домой, чтобы легким стуком этим разбудить только чуткую мать.

Скрипнула дверь. Старческий голос спросил:

— Кто ты?

— Я летчик. Свой... Советский, Обгорел... Ничего не вижу...

Женщина взяла Макарова под руку и ввела в избу. Она усадила его на кровать, набросила на плечи полушубок, натянула на ноги валенки. Они были теплые внутри, и Макаров понял, что женщина сняла их со своих ног.

— Обгорел как, сердечный, — проговорила она, ссылаясь ожег копьями магом.

Макаров схватил ее руку и прижал к обожженным губам.

— Как звать-то тебя? — спросил он.

— Аграфена Михайловна. А тебя как?

— Василий Макаров.

— У меня двоих таких вот сынов в армии. Ладно не слышат ничего...

Женщина рассказывала о сыновьях и Макаров видел их — рослых, черноволосых, красивых, веселых, видел и ее — мать, высокую ростом, сильную телом и духом.

— Если помни найдет тебя, и тебе не сдобровать. Аграфена Михайловна.

— Это уж так. Убью, окаянная, — отвечала женщина, но в голосе ее не было ни страха, ни раскаяния за свой поступок.

На двенадцатый день к Макарову вернулось зрение, и он впервые увидел Аграфену Михайловну: она оказалась маленькой, сучковатой старухой с робкими серыми глазами.

А назавтра брат ее, бородастый, угрюмый человек, повел Макарова лесными тропами к линии фронта.

Ровным пыльным слоем лежал снег, аскрпел под солнцем. Деревья держали его на ветках своих берело, как драгоценную пош. И Макаров не в душе своей такое же чистое, искреннее радостное чувство любви к женщине с серыми глазами, которые снова открыли ему родной мир.

В. ИЛЕНОВ.